

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.

Повседневность как объект научного анализа

Глава 1.

Немецкая семья в Берлине 30-х г.г.

1. Характеристика источников. «Не дайте умереть хотя бы нашей памяти»: роль и специфика интервью в процессе исследования
2. Политика национал-социализма по отношению к семье, женщинам и детям
3. Организация повседневной жизни берлинской буржуазной семьи в 30-е г.г.

Глава II.

Обыденность. Повседневная жизнь в Берлине в 1933-39 гг.

1. Надежды. Приход к власти национал-социалистов и первые перемены.
2. Порядок по-нацистски. Жизнь под контролем НСДАП.
3. Страх: что знали, а что предпочитали не знать о нацистском режиме.

Глава III.

Время расплаты. Семья в Берлине во время войны: 1940-45 гг.

1. Далекая война: осень 1939 – 1942 г.г.
2. «Это был ад»: 1943 – 1945 г.г.

Послесловие

Приложение

Библиография

Благодарность

Введение.

Повседневность как объект научного анализа

Старые пожелтевшие фотографии, хранящиеся в семейных альбомах... Как на листках календаря записана на них чужая жизнь. Вот на улице Берлина мальчик четырех-пяти лет: застыл, подняв руку в нацистском приветствии. Середина тридцатых годов прошлого века – еще нет войны, бомбежек, национальной катастрофы. Что стало с этим малышом после окончания войны, краха нацизма? Может, его можно увидеть и на других фотографиях, где советские солдаты раздают жителям Берлина обед из полевых кухонь? Или он в ряду других таких же вчерашних детей лежит на улицах столицы Третьего Рейха, теперь застыв уже навсегда, последним судорожным движением стиснув бесполезное оружие? Верил ли он в то государство, которое защищал? И за него ли он отдал жизнь?

Мы разглядываем семейные фотографии, пытаемся представить себе людей, которые жили до нас, которых мы знали и не знали. Мы видим их дома и на рабочем месте, торжественно-официальными и неожиданно искренними, получающими ордена и играющими в волейбол на пляже. Мы спрашиваем себя, о чем они думали в тот момент, что двигало ими, как они поступали. В результате мы приобщаемся не только к их жизни, но и к опыту, пытаемся понять их чувства и участие в общественных событиях, их роль и мотивацию в тех или иных исторических процессах. Иногда именно с этого начинается интерес к истории, сначала частной, семейной, а потом своей страны и мира в целом. Слушая рассказы очевидцев событий, наших близких, которые могут быть совсем непохожими на то, что написано в учебниках, мы задаем себе вопросы о подлинной сути событий, представляем

повседневную жизнь предшествующих поколений, сочувствуем, сопереживаем, недоумеваем или даже отторгаем ее. В этом процессе взаимного обмена опытом происходит осмысление и очеловечивание исторического процесса, понимание того, что любая человеческая жизнь – это капелька в его океане. Она исключительна и типична одновременно, состоит из личных и общественных событий, переплетающихся в неповторимую мозаику повседневности.

Но всегда ли мы осознаем роль того или иного момента в нашей жизни? Скорее нет, чем да. Человек врывается в этот мир, идет каждый по своему пути, состоящему из смены действий и впечатлений, радостей и горестей, и уходит, дав жизнь и опыт новым поколениям. Процесс жизни для него естественен, как дыхание, мы часто не ощущаем в полной мере значимости момента, не понимаем, когда для нас кончается один и начинается другой этап, не осознаем, насколько органично наше существование вплетено в исторические процессы, в пестрое полотно событий эпохи. Счастье, радость, любовь, труд, горе, болезни, злость, ненависть, зависть, взросление, зрелость, старость и немощь – и наиболее яркие, и обыденные события в жизни воспринимаются индивидом как элементы своего собственного, неповторимого бытия и кажется, что именно они и остаются в памяти. Мы рассказываем о прошлом детям и внукам, зачастую даже не осознавая в полной мере, что передаем им наше восприятие, формируем их отношение к эпохе, современниками которой были мы, но никогда не станут они. И пусть этот контакт между поколениями формируется скорее на уровне чувств и эмоций, чем на интеллектуально-аналитической основе, но именно он наиболее тесно связывает человечество и в конечном счете стимулирует научное познание.

Машина времени, о которой так мечтают писатели-фантасты, скорее всего, никогда не будет создана. Но всегда существовало то, что в какой-то степени может ее заменить – это человеческая память. Именно она пытается из поколения в поколения воссоздать, реконструировать прошлое, не дает порваться связи времен, да и сама творит историю. Иногда это происходит очень быстро, например, во время войн и революций, но чаще изменения незаметно и медленно поворачивают нашу жизнь, и лишь спустя годы, оглядываясь назад, мы удивляемся, как то или иное событие трансформировало в конечном счете нашу судьбу, и надеемся, что поняли причинно-следственную взаимосвязь прошлых лет. Обращение к повседневной жизни как к объекту исследования со стороны науки предполагает такой очевидный факт как безоговорочное признание ее самостоятельной ценности, абсолютной важности каждого существования, каждого человеческого опыта.

Повседневность вообще как и отвлеченное понятие истории вряд ли существуют. В любую историческую эпоху есть своя повседневность у масс и элиты, повседневность крестьянина и ученого, молодежи, женщин, мужчин, стариков и т.д. Их объединяет совокупность общих черт, но столь же многое и разъединяет. В любом случае в центре внимания историка находятся как жизненная реальность (события общественной и частной жизни), которая воспринимается людьми и имеет для них огромное значение в качестве их цельного жизненного мира, так и анализ человеческого поведения и эмоциональных реакций на события.

Повседневность крайне субъективна и объективна одновременно. Люди все разные, и они не «винтики», не «марионетки» и не «куклы». Ими можно манипулировать и управлять, к чему стремится государство, но все равно каждый

живет своей жизнью, пытаясь прожить ее так, как ему хотелось бы. И восприятие этой жизни у всех разное. Равная значимость для исследователя и событийной, и чувственной сторон повседневности составляют весомое отличие этого направления от других отраслей исторической науки.

Можно в таком случае понимать повседневность и как своего рода процесс перехода как усвоенных правил, так и изменений в обыденность. В такое динамичное время, каким был XX век, эта трансформация перемен в рутину стала одной из основных характеристик как индивида, так и общества в целом. Сжатие и ускорение исторического времени, структурные перемены в обществе, трагические периоды войн и революций, затронувшие всю планету, естественнонаучная и научно-техническая революции, возникновение основ информационного общества влекли за собой необходимость адекватного динамичного реагирования каждого человека. Как материальная, так и духовно-культурная стратегии выживания определяли жизнь людей в условиях тоталитарных режимов или в бурные годы системных социальных реформ и революций. Поэтому закономерно возникший во второй половине XX века интерес ученых разных специальностей к повседневной жизни людей не случаен, поскольку она окончательно становится одним из определяющих факторов исторического процесса, к тому же хорошо обеспечена источниками. Принципиальным отличием истории повседневности становится в этой связи то обстоятельство, что личные источники и прежде всего источники «устной истории» – интервью, «жизненные истории», рассказы и т.п. – для исследователя первостепенны и уникальны, так как он имеет возможность не только изучать их, но даже прямо участвовать в процессе создания, записывая их, определяя тему, задавая вопросы.

Разумно согласиться с Н.Л.Пушкаревой и С.В.Журавлевым, А.К.Соколовым и др. учеными, которые призывают видеть в истории повседневности не новый подход к «истории быта», «культурной истории» или разновидность исторической антропологии, а иную исследовательскую программу. При этом она вовсе не является ни научной экзотикой, ни «елочной игрушкой» на древе познания. Несмотря на описательный характер большинства существующих работ, история повседневности способна к серьезному анализу, хотя и иных сфер, чем это было принято в «классической» исторической науке. Часто в результате ученые получают совершенно иную картину события, эпохи в целом – картину, возникшую в процессе жизни и в сознании «человека снизу», рядового участника массовых процессов. Запрограммировать ее заранее, подогнать под существующие клише и схемы практически нереально, как невозможно и рассказывать о ней сухим научным языком, в терминологии «чистой науки».

Итак, постоянно ставить человека в центр своего исследования, не отбрасывать «случайное», «нетипичное», а, напротив, изучать его, создавать живые портреты замечательных и незамечательных людей прошлого, чтобы особенно последние наконец-то «обрели голос», при этом реконструировать исторический процесс через многообразные социальные практики индивидов – вот основная задача истории повседневности на современном этапе. При всем воодушевлении открывающимися возможностями нельзя впасть и в другую крайность – абсолютизировать это направление, приписывать ему право на абсолютную истину и исключительный подход в отражении нашего мира. Конечно, повседневность – это всего лишь один из ракурсов рассмотрения человека в обществе, вероятно, неспособный и не

могущий претендовать на предоставление определяющей информации для понимания исторического процесса. Как преобладание описательности, так и чрезвычайно сложная проблема репрезентативности или случайности выборки попавших в поле зрения ученого судеб по-прежнему весьма чувствительны к критике, несмотря на все попытки обосновать их самоценность. Необходимо признать, что истории повседневности лучше не ставить перед собой макрозадач в исследовании масштабных социально-политических явлений, но при этом ей можно по праву гордиться своей спецификой – сохранением для потомков жизни ушедших людей, их переживаний и судеб в контексте исторических событий.

х х х

Семейная жизнь, являющаяся предметом изучения в данной работе, является одним из существенных сторон научного исследования по истории повседневности и концентрируется по своей сути большей частью на приватной, домашней сфере повседневной жизни людей, пространстве дома, хотя и в ней, конечно же, находят свой отклик и отражение проблемы детей в учебе, в школе, и размышления на темы производственной, трудовой деятельности родителей.

Историки и этнологи рассматривают семью в контексте эпохи, одновременно как отражение и движущую силу соответствующей материальной и духовной культуры общества. При этом историки повседневности в центр изучения ставят именно самих членов семьи, их надежды и желания, радости и горести, построение ими собственной жизни наряду с восприятием событий политической истории. Показательно, что даже маленький ребенок не является

лишь пассивной стороной, своего рода объектом приложения воспитательных усилий со стороны родителей, педагогов или общества в целом. Он тоже приспосабливается к ситуации, по-разному интегрируясь и частично преобразовывая доступные семейные и общественные структуры, довольно активно создавая для себя собственное «жизненное пространство».

Исследование семейной повседневности обычно отличается достаточно свободной постановкой исследовательских вопросов. Общей задачей является рассмотрение семейной жизни на различных уровнях как материального, так и духовного плана, все та же реконструкция уходящей повседневности людей как целого – семьи, так и индивидуальностей. Участие семьи во взаимном общении, во взаимодействии с другими людьми, носящем зачастую ритуализированный характер, в праздниках, в игре, формы организации быта (жилище, его оборудование и убранство интерьера) и ведения домашнего хозяйства (бюджет, питание, обычаи и структура потребления, одежда), образ жизни (семейные ритуалы и обычаи, распорядок дня, иерархия семейных ролей, взаимные права и обязанности членов семьи, участие в домашних занятиях, роль спорта, разнообразные формы и способы проведения досуга (как общесемейные, так и в зависимости от пола, возраста членов семьи), роль чтения и самообразования, участие в общественных развлечениях и вовлеченность в официальные государственные праздники и мероприятия), – все это необходимо так или иначе рассмотреть при анализе повседневной жизни семьи¹, обязательно учитывая при этом эмоциональное восприятие и воздействие на людей

¹ См., например, Арьес Ф. Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке. Екатеринбург. Изд-во Уральского ун-та, 1999. (Ph. Aries).

вышеназванных категорий, а также их оценку и вытекающие отсюда поведенческие стереотипы.

Семья в любом традиционном обществе выполняет как минимум две основные взаимосвязанные функции: она служит целям биологического воспроизводства человеческой популяции и формирует личность в преемственной связи поколений. Именно в ней человек получает изначальный социальный статус, она готовит его к жизни во внешнем мире, где в любом случае нужно доказывать свои способности и добиваться соответствующего положения. Однако семья в отличие от других общественных институтов (школа, предприятие, партия и т.п.) обладает своей спецификой: она не является рационально организованной структурой, тем более с заранее заданной неизменной целью. Даже если такая цель есть, она может меняться в зависимости от периодов существования семьи, не осознаваться или по-разному пониматься ее членами, особенно представителями разных поколений.

Несмотря на усилия идеологов тоталитарного общества привнести такую единую для всех «великую цель» (воспитание полноценного потомства, строительство справедливого общества и т.п.) и тем самым унифицировать, подчинить частную жизнь человека, семья с трудом поддается подобному нажиму. Это не исключает того, что мужчина и женщина, создающие семью, могут, например, осознанно стремиться с самого начала к рождению ребенка и хотеть воспитать его здоровым и счастливым, полноценным членом общества. Но, конечно, подобное желание не исчерпывает всех надежд, предъявляемых людьми к семейной жизни, а в современном мире зачастую не является и главным. Вопросы социального статуса, материальной стабильности, групповой защищенности, взаимного человеческого общения во всем его разнообразии, включая удовлетворение сексуальных

потребностей в освященном веками и религией «законном браке», имели и имеют не меньшее значение.

В данной работе семья рассматривается как комплексное, системное понятие; анализ социальных условий ее существования смыкается с рассмотрением воздействия материальной и духовной культуры общества и тенденций, привнесенных в него национал-социалистическим режимом. Однако центральной фигурой для изучения являются сами члены семьи как индивидуальности, содержание и реконструкция их жизни, интенсивность и восприятие перемен в повседневности под влиянием политико-социальных событий, а также попытки интегрироваться или противостоять режиму. В результате из множества социальных практик кристаллизуется обыденная сторона национал-социализма, восприятие этого исторического феномена «снизу», глазами немцев, которых он пытался превратить в своих активных адептов.

Одной из главных целей настоящего исследования была оценка степени влияния и воздействия тоталитарной идеологии и режима национал-социалистического государства на такую консервативную сферу как частная и семейная жизнь, соответственно, выявление изменений в повседневной жизни семьи, их направленности («за» или «против» режима) и возможных последствий в исторической перспективе. Параллельно возникает много историко-социологических вопросов о возможном ускорении при нацизме трансформации традиционных форм семьи и семейных отношений или, например, о крушении последней консервативной попытки вернуть германских женщин в дом и семью, заставить их подчинить свою жизнь исключительно жизни и целям мужа, а также воспитанию детей в духе нацистской идеологии. По мере возможности хотелось бы наметить пути решения и этих проблем.

